

Свидание? Только не для нас!

Адалинда Орс Ланда

Флэш-бэк. За пять лет до событий, которые привели Линду в монастырь.

Очередной трудовой день подходил к концу. Из-за непогоды занятия проводились исключительно в залах, так что особого снаряжения Линде собирать не пришлось. Последнюю неделю она постоянно сталкивалась с Хельмутом – еще одним инструктором по скалолазанию. Их ставили соседями или даже в пару. Высокий красивый мужчина. Про таких еще говорят – в самом расцвете сил. Девушке понравился его подход к обучению. Говорил он мало, по делу, не то, что она. Приходилось даже пару раз орать на нерадивых болванов, которые норовили залезть на ученическую стену без амброзии или старались выбрать путь посложнее – так же веселее!

За неделю удалось выяснить очень немного. Вроде не женат и даже одинок. Больше никто ничего рассказать не смог, и это в какой-то мере подогревало интерес Линды к персоне Кунца. Интересно было бы с ним пообщаться. Наверняка вне работы он более душевный и разговорчивый. Да и симпатичный, а что нужно девушке, чтобы хорошо закончить трудовую неделю? Правильно. Красивая и милая компания, бар и выпивка. То, что Хельмут ее особо не замечал, она списала на рабочую атмосферу. Она то к нему тоже особо не подходила, разве что посматривала, как она работает. И вот пятница, впереди выходные. Пора брать быка за рога.

- Хельмут, стой! – Адалинда поймала его в самых дверях, ведущих в мужскую раздевалку. Чуть смущенно улыбнулась уходящим ученикам, перевела взгляд на мужчину и тихо спросила. – Не хочешь отметить конец недели?

Хельмут Кунц

К этом клубе Хельмут был не давно – пару недель, не больше. Хотя если бы его кто об этом спросил – он не уверен был бы, что сумел ответить. Мир вообще выглядел на редкость туманным и каким-то неправильным. Все вообще было неправильно, не так, как нужно. Он механически просыпался, механически шел, что-то объяснял, ощущая себя при этом не человеком, а какой-то машиной. Человек в нем умер – или просто остался где-то там, далеко, в той части, о которой он не помнил. А еще были сны. Странные лихорадочные видения, которые он не понимал и не принимал. Хотя сейчас он вообще ничего не хотел понимать и принимать. Встать – отработать – уйти обратно в отведенную ему в комплексе комнату и ни о чем не думать. Так было проще и легче и в тоже время так было совершенно невозможно.

Но сегодня привычное течение жизни было нарушено чьим-то голосом. Хельмут остановился, медленно обернулся и уставился на молодую девушку, которая о чем-то его спрашивала. Он помнил, что она тоже тут работает, но вот имени не вспомнил бы никогда. У него вообще была плохая память на имена. Она что-то от него хотела, а мысли в голове крутились странные, медленные и совершенно непонятные.

Отметить конец недели? Что в нем отмечать? Он хотел было сказать уже что-то вроде «нет», но внезапно мысль о возвращении в пустую и маленькую комнату, где он опять останется наедине со своими снами и мыслями показалась ему совершенно не выносимой.

- Да, пойдем, - Хельмут кивает головой и ждет, потому что он до сих пор толком не знает, куда тут вообще можно сходить и что там делать. Но в принципе – сейчас ему все равно куда идти. Только бы не возвращаться обратно. Хотя о каком возвращении может идти речь? Некуда ему возвращаться. И не зачем.

Адалинда Орс Ланда

Что-то сегодня Хельмут был еще более лаконичен и спокоен. Линде даже показалось сперва, что он немного пьян. Да это было бы за гранью фантастики. Кунц, нарушающий дисциплину – нет, быстрее случится Третья мировая. Но задержка в ответе, да и сам ответ, сказанный как-то сухо и безвольно, насторожили девушку. Однако, пока она переодевалась и собиралась, сама же и придумала тому оправдание. Все же конец недели. Она и сама устала, да и слышала, что Хельмуту вроде подсунули каких-то особо одаренных новичков. Наверняка все зло на них сорвал, вот и выглядит, как выжатый лимон. Ничего, за бокальчиком вина или за веселым коктейлем и не такие расслаблялись. В общем, Линда предвкушала хороший вечер и теплой компании. Или теплый вечер в хорошей компании, тут уж как посмотреть.

Возле выхода из клуба она весело ухватила за локоть Хельмута и, пользуясь его легкой заминкой, вздернув брови и мило улыбнувшись, буквально потащила его за порог. Ох уж эти заторможенные молодые люди.

- Здесь рядом есть отличный бар. Не кафе, так что вряд ли туда можно сбежать на обед, но для вечера очень даже ничего. Я туда пару недель назад с подругой заглядывала, - она весело указала на здание по соседству с клубом, в котором на самом углу притаился небольшой по размерам бар. Вход был с торца, так что не удивительно, что многие скалолазы его до сих пор не заметили. Скромная вывеска, занавешенные окна. Атмосфера уюта и некой уединенности даже за барной стойкой. То, что и нужно. Дверь открылась им навстречу, выпуская из недр здания двух парней, которые ржали и звонили по телефону каким-то девчонкам. Линда скользнула внутрь, увлекая за собой Хельмута. И остановилась на пороге, давая тому возможность оглядеться и выбрать им подходящий столик. Не все же самой то делать.

Хельмут Кунц

Наверное, Линда бы удивилась, если бы узнала, что ни на каких новеньких Хельмут не срывался. Он вообще не демонстрировал никаких эмоций. Он показывал как надо, смотрел как делали, бросал безликое «Не так» показывал заново и так до победного. Мерно, занудно и практически на автомате, пока несчастная группа не доводило тренируемый навык до автоматизма. Работал он в клубе не очень давно, так что слухов о его манере обучения ходило не много.

В своей комнате Хельмут все-таки переоделся, предварительно постояв в свое удовольствие под душем, надеясь, что вода наконец смоет всю ту серую муть, что

окружала его существование. Но облегчения это практически не принесло.

У выхода из клуба он совсем недолго подождал Линду, а потом вместе с ней окунулся в шум и полумрак бара. Это место ему не больно понравилось, вызывая не самые приятные ассоциации, а еще предупреждающую ломоту в висках. Откуда она там взялась он и сам не знал, но отчего-то мысленно пообещал ей не делать глупостей.

Стоять прямо на проходе было бы очень глупо, так что Хельмут отошел в сторону, огибая какой-то столик и ловко уворачиваясь от официантки с большим подносом, на котором стояли пивные бокалы. В противовес заторможенной речи движения Кунца были плавными и быстрыми. Так двигаются те, кто хорошо умеет управляться своим телом. Хорошие бойцы или хорошие танцоры. Но для танцора Хельмуту точно не хватало изящества, да и осанка и некоторая военщина в манерах говорила скорее о первом.

Он выбрал столик в некотором отдалении от барной стойки и отправился к нему, увлекая за собой Линду. Коротко кивнул еще одной официантке и забрал у нее меню. Несколько мгновений изучал его взглядом, но так и не определившись, что же ему нужно передал девушке. В баре играла музыка, но она не была очень громкой и Хельмута пока не раздражала, да и внезапно возникшая головная боль утихла. Не прошла, но словно затаилась чутко и внимательно наблюдая за его действиями. Наверное, сейчас нужно было что-то говорить, обсуждать или шутить. Но мужчина только молчал, уперев взгляд в свои руки и неосознанно потирал место на пальце, где не так давно было обручальное кольцо. Странно, но от него не было даже следа. Вот так. Прошло – и не оставило даже отпечатка, только огромную такую кровавую рану где-то в душе.

Адалинда Орс Ланда

Хельмут галантно пригласил Линду за стол, и даже передал ей меню, полностью соглашаясь с ее будущим заказом. Девушка сделала знак официанту, что пока они не определились, и углубилась в чтение. Пока ее не смущало молчание, к тому же все люди разные, возможно мужчина пока немного не в своей тарелке. Бывают и такие, красавчики с виду, но совершенно не понимающие, какое впечатление они производят на женщин. Кунц, похоже, был из таких. Замкнутый и серьезный. Но Линда казалось, что стоит его немного расшевелить, и вылезет балагур и интеллектуал, с которым приятно не только пококотничать, но и поговорить на серьезные темы.

- Что ты будешь пить? Я бы хотела взять пива и креветок. И здесь есть отличная закуска – свиные ушки, попробуй, пальчики оближешь, - она весело посмотрела на Хельмута и передала ему меню, указывая пальцем на выбранное ею блюдо. Она огляделась в поисках официанта, нашла того глазами и подала знак рукой подойти к ним. Быстро сказала свой заказ и вопросительно уставилась на мужчину, ожидая его вариант. Вот интересно, что он предпочитает? Она слышала, что существовали даже какие-то тесты, по которым можно было понять, какой перед тобой мужик. Мол, если заказывает вино, то, скорее всего – никакой. А если виски, то мачо и альфа-самец. Глупые, в общем-то, тесты, да и описать сидящего рядом с ней мужчину одним словом было невозможно. Что-то притягивало в ней Адалинду, и это была не только внешность. Он был весь какой-то... Стабильный. От него веяло

уверенностью. Она даже представила себе, что в случае чего такой, как Хельмут, наверняка прикроет ее своей широкой грудью от опасности. С ним было не страшно, а уж такие впечатления у девушек возникают спонтанно, но практически при первом же взгляде на мужчину. Как и понимание, переспала бы она с ним, или нет. На этот вопрос Линда ответила себе утвердительно. Осталось понять, как ответит на него Кунц.

Хельмут Кунц

Молчание Хельмута не тяготило, его даже можно было назвать уютным, если бы вслед за отсутствием слов в голову не начинали ползти всякие разные мысли – то происходящее напомнило ему вдруг нечто давнее, возникла в голове сценка, наложилась и... Кунц был даже благодарен Линде, прервавшей молчание и отвлекшей его на нечто более простое и земное.

- Пусть будут ушки, - соглашается он, не особенно даже об этом задумываясь. Вкус пищи все равно кажется каким-то странным, как картонным. Да и вообще Хельмут ел больше потому что надо – будто какой-то механизм внутри уверенно, как часы напоминал о необходимости приема пищи и выключался, забыв напомнить о том, что еда может еще и приносить удовольствие.

А вот о том, что он будет пить мужчина думает долго и всерьез, потому что с начало чуть не сказал «пиво», но от этого появилось такое мерзопакостное ощущение во рту и опять болезненно заломило виски, так что нет, не пиво.

- Принесите кофе. Крепкого и без сахара, - наконец определяется он. Как раз под настроение. И почему-то вкус кофе все равно ощущается всегда. А раньше он пил кофе? Почему-то вспомнить толком не получается.

О том, какое впечатление он может производить Хельмут как-то не задумывался. Он просто был и все. Но если бы его спросили об уверенности – то сейчас он ее за собой не чувствовал. Совсем. Будто застыл на краю пропасти в неустойчивом равновесии, а ветер тянет то на одну, то на другую сторону и никак не определиться – падать или все-таки выбираться наверх.

Адалинда Орс Ланда

Интересный выбор. Кофе со свинными ушками. Такого Линда за всю свою жизнь не видела. Более того, кофе мог означать сразу две вещи. Первая, обычная - мужчина действительно сильно устал и хочет сделать этот вечер долгим и приятным. То есть не напиваться с первого бокала, а это вполне возможно, на фоне то усталости. Вторая - которая Адалинде нравилась гораздо меньше. Хельмут вообще не планировал расслабляться. Ведь кофе мог означать и простую вежливость. Мол, выпью чашечку, да пойду домой отдыхать. Много его не выпить, в отличие от пива. Которое как раз принесли. А так же поставили перед ними две тарелки - с креветками и соусом к ним, и ушками, которые пахли просто умопомрачительно. Спустя буквально минуту принесли кофе. Девушка с сомнением на него посмотрела, все еще раздумывая над своими догадками. Именно в этот миг ее кольнуло какое-то странное чувство. Кунц не шел в атаку, как обычно поступают заинтересованные мужчины. Явно, или скрытно. Активно или же аккуратно, но такие сподвижки она ловила на лету. Хельмут же, даже попав с ней в кафе, где можно не думать о работе, расслабиться и провести отличный вечерок, не торопился заводить

разговоры. Никакие, даже нейтральные. И Линда бы еще могла списать это на неопытность или скромность, но мужику было не пятнадцать лет!

- Хельмут, а Расскажи про себя? А то мы на работе говорим только о работе, уже надоело, наверное? - дала она ему еще один шанс. И затаила дыхание. Что ответит? Она подняла кружку и хорошенько глотнула пива.

Хельмут Кунц

Собственно, о сочетаемости то или иного вида пищи с определенным напитком Хельмут не думал. Он никогда не пытался запомнить, какое там вино пьют с рыбой, а что подают к куриным ножкам. Так что ему хотелось кофе, он ничего не имел против ушек и ему было совершенно все равно, с чем их в приличном обществе пьют.

Тем временем молчание становилось все более тягостным – в воздухе буквально повисло напряженное ожидание, которое можно было даже пощупать руками. Но Хельмут и тут сумел проявить удивительную толстокожесть, банально ничего не заметив, но появлению официантки с подносом и заказом почему-то обрадовался. Может быть все-таки проснулся аппетит?

Кофе приятно пахнет. Немного по-казенному, не так, как оно пахнет, когда его любовно варят в турке, запихивая туда всякое разное под вдохновение, но и не так, как пахнет кофе в бумажном стаканчике, покупаемое в какой-нибудь палатке, чтобы побыстрее согреться. Хороший такой средний аромат, говорящий, что местечко ими оккупированное – не дешевая забегаловка, но и на приличное место тоже не тянет. Хотя вполне возможно, что пиву тут будет лучше, чем в ином ресторане. Такое периодически встречается. Хельмут прикрывает глаза – какие только мысли не лезут в голову, когда хочешь спастись от навязчивой пустоты внутри. Заполнить ее какой угодно чушью, только бы не думать и не вспоминать. Он поглубже вдыхает аромат кофе, и радуется тому, что он не вызывает никаких ассоциаций – ни мучительно-горьких о том, чего уже не будет, ни каких-либо иных. Кофе пахнет только кофе и это самое лучшее, что можно о нем сказать. Хельмут едва заметно улыбается и смотрит на Линду уже немного другим, немного потеплевшим и не таким тусклым и пустым взглядом как минуту назад.

- У меня очень скучная жизнь, - Хельмут пожимает плечами, совершенно не чувствуя за собой желания чем-то делиться или хотя бы даже вспоминать. Лучше всему покрыться как можно более толстым каменистым слоем. Мертвое – мертвому.

- Так что я даже не знаю, что тебе рассказать, - ушки и правда соблазнительно пахнут, можно попробовать, с удовольствием погрызть. Кофе он пока не пьет, просто бессознательно водит пальцами по кромке осторожным, почти ласковым движением и вдыхает запах. Он словно помогает держаться на поверхности и не скатиться в такую опасную черноту.

- Лучше ты Расскажи что-нибудь, - если Хельмуту не хочется говорить, это не значит, что он не хочет слушать. Намного лучше сосредоточиться на словах, на чужой жизни и воспоминаниях, чем копаться в своих.

- Например, почему скалолазание? – он чуть было не говорит, что не женское это дело, но вовремя замолкает. Где-то в душе Хельмут – страшный шовинист, но прорасти этим мировоззрениям наружу всегда мешала Ровена, которая одним

своим существованием упорно опровергала знаменитое «kinder, küche, kirche». Впрочем, о ней отец всегда говорил, что девочкой она родилась исключительно по ошибке. И он бы гордился таким сыном. Правда, тут же заявлял, что гордиться такой дочерью он не может.

Адалинда Орс Ланда

Отличное начало. Вздернув брови, Линда во все глаза смотрела на Хельмута, который понемногу ее начал разочаровывать. Что же ей так с мужиками то не везет? То как-то раз попался тайный поклонник футбола. Ни о чем другом думать и говорить не мог, еще и ее пытался в свою секту привлечь. Был матерый банкир, вечно занятой и холодный, присылающий стандартные подарки через своего секретаря. А ведь Кунц казался ей нормальным. В скалолазание не берут отморожков, неженки там тоже не бывает. А тут сидит и гонит ей какую-то чушь. Скучную, никчемную чушь! Обычно мужчина стремится поддержать разговор, понравиться. Ну хотя бы не молчит и не мямлит общие фразы. Линда поняла, что ее начинает раздражать этот вечер. на который она возлагала такие надежды. Словно кто розовые очки помог снять. И оказывается Хельмут вовсе не загадочен, а скучен. Как и его жизнь.

- Я, так я, - покладисто вздохнула Линда, сделала еще один глоток и отправила в рот щедро намазанную соусом креветку. Неспеша все прожевала, раздумывая, что бы такое рассказать. Теплилась надежда на то, что Хельмута развеселит или хотя бы заинтересует ее рассказ. А там, глядишь, и сам заговорит. Плохонькая такая надежда. Слабенькая. Просто обидно было заканчивать вечер на такой ноте. Им еще и работать вместе.

- Скалолазание? А почему бы и нет? Мне всегда нравился спорт. Я и учиться пошла после школы на тренера. К тому же, как по мне, горы - отличная возможность проверить себя на прочность. Нигде больше такого экстрима, свободы и адреналина не видела. А в детстве перепробовала кучу всего. Представляешь, даже крестиком вышивала и вязать училась! - засмеялась она, поглядывая на мужчину. И добавила внушительно. - Но это все такая ерунда. Сидишь, занудно что-то делаешь. Я даже понять не могла, зачем мне это все, ведь можно пойти и купить готовое, представляешь? Ну а ты как тренером стал?

Хельмут Кунц

А Хельмут и не был ни отморожком, ни неженкой. Он был просто очень скучным человеком. И это мало его волновало – он просто был и все, а что об этом и кто думает, было совершенно неважно. Было слишком мало людей, для которых Кунц готов был что-то там в себе искать и меняться, и с каждым годом их становилось все меньше. В данном же случае он совершенно не планировал выступать в качестве клоуна и развлекать заскучавшую в течении рабочей недели девушку.

- Так получилось, - он пожимает плечами, как-то очень внимательно смотрит на Линду, тихо вздыхает, понимая, что его ответ в данном случае не больно-то хорош, да и банально нечестно говорить так мало, когда тебе рассказали так много и продолжает:

- Я люблю горы. В них чувствуется и сила и свобода. Редкое такое сочетание, - ушки

эти и вправду вкусные, можно запихнуть в себя еще пару штук и запить остывающим кофе. Холодный он не будет вкусным, так что стоит немного поторопиться и не превращать хорошую вещь в гадость.

- Но раньше всегда один ходил, - тут они подходили не к самой приятной для него теме и говорить приходилось через силу, буквально выталкивая из себя словами, - А тут решил скажем так сменить обстановку – да и предложили тут поработать. Так что в тренажах я недавно. Неблагодарное это занятие, - честно признался он. Хотел он того или нет, но Хельмут побаивался вести в горы этих мальчишек. Он привык надеяться на себя и ему не нравилось то, что придется нести ответственность за кого-то еще. Свою-то голову не приставишь. Наверное, поэтому его можно было назвать слишком уж строгим учителем.

- Тут не сколько удовольствие от восхождения получаешь, сколько следишь за тем, чтобы кто глупость какую не совершил. Прикинь, один придурок вчера страховку снять пытался – фотографию ему красивую хотелось, - мужчина возмущенно фыркнул, вдруг резко, какой-то болезненной вспышкой наливаясь эмоциями, а потом как-то резко потух, устало прикрывая глаза и делая еще один глоток кофе.

- Хотели ведь не о работе поговорить, а все равно к ней пришли, да? – он как-то невесело улыбается и просит подошедшего официанта принести еще кофе.

- А мне когда-то нравилось по дереву резать, - признается он после недолгого молчания, которое потребовалось на то, чтобы уничтожить еще одно ушко, - Смысл же не в том, что нельзя купить или что-то такое, а в том, что делаешь сам. Видишь, как из ничего твои руки создают что-то. Думаю, с вязанием и вышиванием тоже самое. Клубок ниток и белая ткань – и раз, из нее рождаются птицы.

Адалинда Орс Ланда

Ощущения сидения на иголках с каждой минутой возрастало. Обидно, но такое на памяти Линды случилось впервые. Обычно на любом свидании она имела привычку расслабляться и получать удовольствие. Ну или, если звезды не складывались и собеседник был зануден, хотя бы просто нормально поужинать и поговорить. И тихо слинять в конце вечера, ссылаясь на неотложные дела. Сегодня же она очень хотела потыкать Хельмута чем-то острым. Он как-то так раздражающе говорил, что это поднимало волну самой настоящей злости в душе девушки. И не сказать, чтобы мужчина хамил или наглел, вовсе нет. Просто он замирал после коротенькой фразы, и ему хотелось заорать прямо в лицо "ну, и что дальше то?". То есть ни о каком удовольствии речь уже не шла, тут бы в банальную драку не сорваться. И вот опять. Простая фраза в пустоту и молчание. А кулаки уже чешутся, а на языке вертится фраза с кучей матерных слов. Отличное свидание, на зависть подругам. Они то небось цветы нюхают, да обсуждают новости мира, хохочут над шутками кавалеров и строят им глазки, наслаждаясь встречными взглядами. Фу, банальщина. Не то что Адалинда, которая и словом не обласкана, и взглядом не замечена. Зато горит огнем, и не от страсти, а от бешенства.

- Ну а почему так кардинально решил поменять сферу деятельности? По себе знаю, если идти с кем-то не комфортно, все, считай маршрут провален, - заговорил. Жизнь налаживается, или это иллюзия? Рассказ Хельмута вызвал удивление. Горы - это не

то место, где надо злиться на себя и на других. Они не терпят торопливости и раздражения. А этот словно специально головой в пропасть полез. Что за дела? И тут Линда спохватилась, чуть смущенно улыбнулась мужчине, отмечая, что тот на нее смотрит как на мебель. Не срастется у них ничего... Кунц оказался ей не по зубам. Девушка подозвала официанта и заказала порцию картошки фри с соусом. Допила пива и отдала пустую кружку.

- А ты нежнее, чем кажешься, - пробормотала Линда от неожиданности, не думая даже, что именно ляпает. Птицы у него рождаются из ниток. До такого не каждая женщина додумается, вот она, к примеру, не догадывалась. Какой-то излом был в этом мужике. С виду суровом и немногословным, и даже занудном. - Почему ты такой закрытый, а, Хельмут? Я же не кусаюсь.

Хельмут Кунц

Хельмут о бурях, царящих в душе Линды, и не подозревал. Он говорил так, как ему было удобно – сказал, подумал и еще раз сказал. Он не любил людей, которые ухитрялись говорить со скоростью сто слов в минуту – просто не успевал за ними. Да и какой это разговор? Весь смысл теряется в попытке успеть, перебить и обогнать. А ко взглядом был и вовсе на редкость равнодушен – Хельмут вообще плохо ловил эмоции людей, камни ему были намного понятнее.

- Жизнь заставила, - мужчина пожимает плечами, явно не желая вдаваться в подробности. Что-то определенно было тут, в этой перемене и в этих словах. Вот он начинал говорить более свободно, а вот невинный вроде вопрос подходил к запретной зоне и все – остатки разговорчивости как ножом отрезало, заменяя их угрюмым молчанием. Не трожь. Только что не скалился как зверь, которому неосторожный ветеринар начинает шевелить большую занозу в лапе.

Снова и неопределенное хмыканье и взгляд. Долгий такой – и снова отдающий чем-то диким, звериным почти. Охотник кружит вокруг попавшего в капкан волка, а тот настороженно наблюдает при каждом движении скаля клыки. Не подходи. Не трогай. Уйди. Хельмут не очень понимает, что же от него хочет добиться Линда. Взгляд снова становится каким-то пустым, серым. Зачем открываться? Кто ты мне, чтобы лезть в душу? Укусов он не боится, укусить, ранить может только кто-то очень близкий, для кого колючий еж уберет свои иголки и подставит мягкое незащищенное брюшко, а остальные – что до них. Слова соскользнут и уйдут в пустоту.

- Какой уж есть, - слова кажутся совсем лишними. Но они разрывают сгустившуюся нехорошую тишину, которую не трогают ни музыка, ни шум голосом за соседним столиком.

- Не нравлюсь, да? – от Хельмута вдруг веет каким-то нехорошим, больным весельем, - Совершенно неудачная компания для молодой красивой девушки, - он говорит это почти с удовольствием, будто смакую каждое слово и будто бы цитирует кого-то. А в глазах – все та же холодная пустота. И где-то за окном всходит Луна и что-то упорно рвется ей навстречу, обещая свободу и забвение. Взгляд чуть пристальнее – и можно заметить, как в глазах пляшут желтоватые блики, а зрачок все норовит вытянуться в тонкую вертикальную щель.

Адалинда Орс Ланда

Линда с тоской посмотрела на Хельмута, после чего не менее грустно обвела взглядом уютное заведение. И почему жизнь так несправедлива? Почему вон там в уголке сидят и откровенно флиртуют (отсюда видно!) двое совершенно неподходящих друг другу людей. К примеру, на парня она бы и не взглянула, какой-то мелкий, с мышиным лицом. А уж девушка - как на полотнах Рембранта, не меньше. Но она строила глазки своему кавалеру, поправляла локоны, как бы случайно подставляла его руке свои пальчики-колбаски. И было видно, что этот хвощ заинтересован ею, вон как глаза пялит, интимно наклоняется к даме, и даже что-то такое рассказывает, поигрывая бровками. Не иначе как пошлый, заезженный анекдот, который вон как смешит девушку. А у нее? Что с ней не так? Она симпатична и интересна. Стройная, подтянутая. Носи на руках - не хочу! Перед ней сидит красивый мужчина. Высокий, мускулистый. С красивыми руками и бархатным голосом. И смотрит он куда угодно, но не на нее. Ее что, кто-то обетом безбрачия проклял?

- Проблема как раз в том, что нравишься, - она столкнулась взглядом с холодом в его глазах. Как там говорят то? Хочешь потерять друга - одолжи ему денег? Надо расширить определение. Хочешь "переболеть" понравившимся мужчиной, сходи с ним на свидание. Тут он себя и покажет. Тоска в груди приобрела какие-то совершенно физические ощущения. Тянуло, болело, ныло.

Принесли заказанную картошку, но она даже не посмотрела на нее. Взгляд Линды был прикован к сидящему рядом совершенно непостижимому мужчине, который вел себя очень странно. И она решила дать ему попытку. Последнюю попытку оправдать свое поведение. Безнадежную попытку, так, для галочки, чтобы потом, плача в подушку, не придумывать ему оправдания и не корить себя.

- Только непонятно, почему же такая неудачная компания для молодой девушки не смогла заявить об этом с самого начала, - заметила с горечью. И спросила, словно эхом продолжая его слова. - Не нравлюсь ведь, да?

Хельмут Кунц

Проблема была в том, что Хельмут ничего неправильного в своем поведении не видел. И вообще не знал, что кто-то дает ему какие-то попытки в чем-то, в особенности — в оправданиях. Ибо оправдываться с его точки зрения ему было совершенно не в чем. Это Линда, а не он, успела что-то там себе придумать, на воображать, а теперь мучилась от того, что выдуманная картинка не совпадает с реальностью. Но в тоже время — это ощущение было ему знакомо и Кунц получал какое-то извращенное удовольствие от того, что не получается, не совпадает. словно в это мгновение он мстил Линде за себя, видел в ней другого человека и мстил ему в ее лице. Это было странное и совершенно незнакомое ему ощущение. Скоро оно уйдет, оставив болезненный и неприятный след в душе, и он попытается как можно скорее забыть его. Но это будет потом.

- Это зря, - он с удовольствием прихлебывает кофе, - Неужели нет объектов поинтереснее? — он словно просыпается и Хельмуту вдруг становится и вправду интересно — что же в нем такого есть, что молодая и симпатичная девочка смотрит такими глазами. И почему так не смотрела та, другая. И Хельмут невольно

сравнивает их, отмечая, что похожи – но в тоже время очень разные. Линда такая – уверенная, сильная. Альпинистка. Если бы жил в другой стране, мог бы добавить – комсомолка и отличница. А та, другая и впрямь была другой. Или только казалась? Такой хрупкой и далекой, что ее хотелось защищать, оберегать. Линде же защита и поддержка определенно не требовалась. Может быть поэтому и не везло так?

- Не нравишься, - честно отвечает Хельмут, выдавая сжатую версию своих раздумий и сравнений, - Но это повод не посидеть где-то и не выпить кофе? – потому что сидеть вот так и пить кофе ему и правда понравилось. Намного лучше, чем сверлить взглядом стены в своей комнате.

Адалинда Орс Ланда

Где-то глубоко в душе Адалинда надеялась, что все это - сильно затянувшаяся шутка. А Хельмут - великолепный актер, по которому Оскар плачет. Или же он крутой манипулятор, который проверяет ее на "вшивость", то есть пытается понять, к какой категории девушек ее отнести. К "прелесть каким дурочкам", на которых, как она подозревала, такой мужчина бы не позарился, или же к "хм, с ней есть о чем поговорить", которые, опять же по ее внутренним ощущениям, должны ему нравиться. И сейчас он хмыкнет, и скажет ей, что она прошла проверку. Как на собеседовании, черт его побери. Линда понимала, что начинает беситься, а вечер перестает ей нравиться все сильнее и быстрее.

Но нет, затаенная надежда не оправдалась. Вдвойне противно стало, когда ей откровенно в лицо выплюнули, что она не интересна. Это было унижение, такое, как никогда еще. Ей доставались эпитеты, что мол не достаточно красива. Или не слишком умна. Или что ее образ глупой блондинки идет вразрез с принципами кавалера не иметь в подружках дурочек, и не важно, что она умна. Но чтоб такое. С таким лицом, такими словами. В таком месте. В окружении людей. что флиртуют и обнимаются. Не нравится. И уже не важно, что он там имел ввиду. И что конкретно в ней ему не нравится. Да неважно это все! Просто противно! Согласиться на свидание, а ведь дураку понятно, что она его не на деловой разговор звала. Прийти, пообщаться, а коронным номером сделать из нее дуру. И вот как после этого ей жить? Как смотреть на него? На мужчину, который ей нравился, и который в эту секунду стал глубоко отвратительным.

- Да пошел ты! - с чувством выплюнула Линда, вскакивая на ноги. - Кофе, значит, попить не с кем? Можно и девушку, пусть и не приятную, использовать, подумаешь, что обидел?

Сумбурно выдала она свои мысли, не особо даже заморачиваясь над логикой или постановкой фраз. Сейчас в душе полыхало одно желание - достать его, кольнуть в ответ, показать, насколько ей сейчас больно.

- Я верю, что поступки возвращаются. Пусть и тебе вернутся твои слова. Вспомнишь еще меня. А это - чтоб не забылось сразу! - она вырвала из его рук чашку с остатками остывающего кофе и плеснула Кунцу в лицо. Грохнула пустой посудиною о стол, развернулась и направилась к двери, едва сдерживая слезы. Козел. Банальный хамоватый козел, самоутверждающийся за ее счет.

Хельмут Кунц

Увы, но с чувством юмора у Хельмута было определенно плохо. Во всяком случае, ничто из происходящего он шуткой не считал и вообще был серьезен как на приеме у канцлера. Вот только Линде от этого явно было не легче. Хотя, если подумать, легче не было вообще никому, начиная с самого Хельмута. Ну разве что парочке за соседним столиком было настолько легко и хорошо, что ничего происходящего вокруг они попросту не замечали.

Какой-то реакции в ответ на свои слова Кунц ожидал, но точно не такой, какая в итоге последовала. И реакция эта с одной стороны оставила ему чувство глубокого недоумения в духе «а что я такого сказал» и «зачем было спрашивать, если ответ не нужен», с другой же... С другой стороны ситуация была настолько феерически-парадоксальной, что он сам не понял, когда драма успела перерасти в фарс. А любой фарс уместно заканчивать исключительно смехом. И Хельмут тихо смеялся, аккуратно вытираясь салфеткой – благо кофе уже успел остыть и никакие последствия масштабней стирки ему не грозили. И одновременно с этим он чувствовал, как вдруг лопнула окружавшая его чернота, будто эта несчастная чашка с кофе пробила километровый слой паутины и затхлости, выпуская наконец на свободу человека. Вероятно, ему следовало поблагодарить Линду и за кофе и за чудесный вечер. Но Хельмут благоразумно не стал этого делать – во всяком случае не тогда, когда в пределах досягаемости девушки будет какая-либо посуда.
